

72

*Рамил
Зайдулла*

Хан

историческая
драма

И Поэт

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

А х м е д К а з а н и – поэт-дервиш
Х а н Б и р д е б е к – хан Золотой Орды (Великого Улуса)
Х а н и к е – жена хана
Ч е р к е с – дворцовый стражник
К а з и – судья
Д и в а н - б е к – начальник ханской канцелярии
К а р а ч и
Т а н ы ш б е к – двоюродный брат Бирдебека
А с у к – бродячий поэт
З а й н а п
Придворные поэты
Наложницы, служанки, тени

Действие первое

1

Алтын-Таш – дворец великого хана. Вдоль стен, увешанных коврами, стоят скамьи, на них золотые и серебряные подносы, до краёв наполненные драгоценными камнями; в центре зала на троне восседает великий хан Бирдебек. Рядом с ним возвышается отлитое из золота дерево, на котором в виде плодов висят драгоценные камни. Двери распахиваются. Слышится голос, произносящий молитву...

Бирдебек срывает с ноги чупак и швыряет его в угол.

Бирдебек. Мышь! Уже по головам бегают!

Тяжело подволакивая ногу, входит кази города Сарая. Он стар, его движения неспешны, разговаривает негромким, слегка гнусавым голосом. Он склоняет перед султаном голову, хочет поклониться и, потеряв равновесие, едва не падая, садится на пол. Затем поднимает ладони к лицу, чтобы совершить молитву.

Бирдебек (*недобро усмехается*). Хватит, старик! Ты в последнее время стал слишком набожным. О смерти начал задумываться?

Казии (*приложив ладонь к уху*). Что ты сказал, мой султан?

Бирдебек. Ну, рассказывай, с чем пришёл?

Казии. Господин! В городе объявился какой-то поэт.

Бирдебек. И ты явился сообщить мне об этом?

Казии. Среди поэтов разные попадают. Если они пишут гимны, прославляя султана и страну, мы за ценой не постоим. Пусть слава о тебе дойдёт до потомков. Ты сам знаешь, что в Иране при дворце ильхана даже содержат своих поэтов. А этот Ахмед Казани – какой-то бродяга-дервиш, прибывший из Казани, ходит по базару, болтает всякое и смущает народ.

Бирдебек. Что он говорит?

Казии. Прости, мой султан... Он обвиняет тебя в жестокости.

Бирдебек. И правильно делает! Пусть народ боится хана. Где страх, там и до любви один шаг.

Казии. Только...

Бирдебек. Мало ли о чём болтают уличные шуты? Ты следи за моими родственниками. Вот кто по-настоящему страшен!

Казии. Мы следим за каждым. Пока ничего такого не слышно. Так вот, я об этом поэте... Он не шут. И люди вокруг него собираются толпами. Прислушиваются к нему. Он настраивает их против тебя...

Бирдебек. В Салкын-Таш* его!

Казии. Он уже там. Пока сидит в темнице.

Бирдебек. Отрубить ему голову!

Казии. За этим дело не станет. Но...

* Салкын-Таш (Холодный камень) – место казни и пыток в Сараяе.

Б и р д е б е к. Но?..

К а з и. Он похож на тебя! Можно подумать, что вы – близнецы...

Б и р д е б е к. Что?!

К а з и. Да... Вас не отличить друг от друга. Он – словно твоя копия! Невероятное сходство...

Б и р д е б е к. Никто не может быть похож на султана!

К а з и. Разумеется, на небе Аллах, на земле – султан. Только...

Б и р д е б е к. Что – только? Говори прямо!

К а з и. Без твоего приказа... А вдруг на самом деле он – это ты? Упаси Аллах...

Б и р д е б е к. Что?! Вот он я! Сажу здесь. На троне! А он в темнице! Чувствуешь разницу? Я – султан Великого Улуса, знаменитый хан Бирдебек! Я – потомок золотого рода! А вот ты кто такой?! Ты за себя побойся. Сколько лет сидишь на одном месте, а?! Не притомился?

К а з и. На каком месте, мой султан?! Разве ты не видишь, я сажу на полу. *(Переползает чуть в сторону.)* Вот, я пересел, и что изменилось? И я прежний, и место – то же самое. А вот ты владеешь тронном. Но и трон владеет тобой. Трон сам по себе – лишь простое кресло, пока его не коснётся ханское седалище.

Б и р д е б е к. Смотрю... ты тоже – поэт? Славно поёшь!

К а з и. Сходство двух людей – шутка Тенгри. Но если один из них великий султан, а второй – какой-то оборванец-дервиш, то это уже не просто шутка...

Б и р д е б е к. Как, ты сказал, зовут того бродягу?

К а з и. Ахмед Казани...

Б и р д е б е к. Приведи сюда, посмотрю на него.

К а з и, прихрамывая, уходит.

Б и р д е б е к *(встаёт с трона, начинает расхаживать, бормоча себе под нос)*. Хе, говорит, что похожи как две капли воды?.. Семя Чингисхана рассыпано повсюду, от моря до моря. Неужели кровь наших предков решила подшутить над нами, пробудившись в жилах черни?

2

Двери распахиваются, и кого-то силой вталкивают в тронный зал. Он теряет равновесие и падает ничком на пол прямо у ног хана. В рваном *джиляне*, на его лице написан страх. Но при виде султана страх сменяется любопытством. Султан тоже не может отвести взгляд от незнакомца.

А х м е д *(рассмеявшись)*. Ты и в самом деле похож на меня, Бирдебек!

Б и р д е б е к. Дервиш!

А х м е д. Прости, великий султан. Но я так похож на тебя, что различия между нами не вижу.

Б и р д е б е к. Хан может быть похож только на самого себя, несчастный! О чём ты болтаешь там, на площади, сея смуту?

А х м е д. О чём говорят поэты? Разумеется, о справедливости.

Б и р д е б е к. Ну-ну... *(Поднимается на трон.)* Что ты можешь знать о справедливости?

А х м е д. Хан должен править по справедливости. Ты же знаешь, как живёт твоя страна? Люди не могут платить налоги, они по шее в долгах! Твои чиновники высасывают из народа последние капли крови. А у тебя на уме только захват чужих стран!

Б и р д е б е к. Замолчи, безумный! Да ты, оказывается, просто глуп! Разглагольствуешь о справедливости, а невежественные люди, поверив твоим словам,

поднимут мятеж. Потом мои есаулы всех их перебьют. Потому что из песка не сложить камня, а из рабов – разумной силы. Так было тысячу лет назад, так будет и через тысячу лет после нас. Получается, рассуждая о справедливости, ты сам сеешь несправедливость...

А х м е д. Ради справедливости можно и умереть.

Б и р д е б е к. Вот ты и умрёшь. Я велю отрубить голову. По отношению к тебе это будет несправедливо, но по отношению к другим – вполне. Я спасу их от гибели в мятеже.

А х м е д. Когда хан правит по законам справедливости, никакого мятежа не бывает.

Б и р д е б е к. Точно – ты глуп! Справедливость – это пустое, просто призрак. Пустота может радовать глаз, ласкать ухо, но на неё невозможно опереться. Если будешь рассчитывать на справедливость, то сломаешь себе шею. Если у чабана украдут овцу, он считает это несправедливым, но для вора это вполне справедливо. И он найдёт тысячу причин оправдать своё воровство. Если вора поймать и бросить в темницу, то для него весь мир покажется несправедливым! А чабан возразит: мол, справедливость восторжествовала. Даже только для двоих не существует одинаковой справедливости. А ты тут требуешь одной справедливости для тысяч людей! Справедливость – это слово, придуманное для утешения. Знаешь, когда начинается самое страшное? Когда люди начинают устанавливать в мире справедливость... Человек, собирающийся установить справедливость, обыкновенно готов совершить любую жестокость. Ради справедливости! Так что самый дурной человек на свете – это тот, кто вздумает достичь справедливости.

А х м е д. Ты выйди на улицу и оглянись. Сколько нищих сидит на каждом углу! Если довести людей до крайности, они превратятся в чудовищ и сравняют с землёй твои золотые дворцы. Когда пойдёт так и дальше, то после нас и хибары одной не останутся...

Б и р д е б е к. Народ должен быть слегка голодным. Если собака разнежится от сытной жизни, то начинает кусать хозяина. (Он сжимает пальцы в кулак.) Вот, видишь? Сила... Она и держит страну в единстве. Когда есть сила, не страшен никакой бунт.

А х м е д. Страна, удерживаемая силой, не имеет будущего!

Б и р д е б е к. Глупый поэт! Если ослабить вожжи, лошадь сойдёт с дороги и опрокинет повозку. Не говори о том, чего не знаешь. Мечты уместны лишь в стихах.

Пауза.

А х м е д. Похоже, ты не оставишь меня в живых?

Б и р д е б е к. У того, кто попал в Салкын-Таш, дорога одна... К тому же тебе не с руки бродить по городу с такой внешностью. Не повезло тебе с нею. И пусть всё, что у тебя на уме, будет сейчас на языке. Не уноси свои мысли с собой в могилу. Говори мне всё в лицо, ведь тебе нечего терять. Какое это счастье для поэта!

А х м е д. Я уже всё сказал...

Б и р д е б е к. И всё пустое! Вам, поэтам, легко поучать. Эмирам война необходима! Для того, чтобы умножались богатства, имущество, хан должен ходить войнами. Их жёнам нужны шелка, драгоценные камни, золотые браслеты, кольца, ожерелья, самим эмирам и воинам нужны молодые рабыни! Волки не питаются сеном. У каждого из нас в руках войско. Зачем степным мурзам хан, который не высовывает носа из своего дворца? Так что всё ясно... Легко быть умным, сидя в текие* в ожидании подаяния. А ты попробуй управлять, вот с этого трона!

* Текие – обитель мусульманских дервишей.

А х м е д. Цари всегда жалуются. Но ещё ни один из них не сошёл с трона по собственной воле. Раз тебе так трудно, давай тогда... поменяемся местами. Мы с тобой похожи друг на друга, никто даже не заметит подмены.

Б и р д е б е к. Ха-ха-ха... Слава Аллаху, твой зад никогда не коснётся этого трона. Даже если коснётся... Что бы ты смог сделать... (*Шёпотом.*) Скажу тебе по секрету, а ты расскажешь на том свете: от нас мало чего зависит!

А х м е д. Если мы поменяемся местами хотя бы на несколько дней, ты увидишь, что я смогу сделать... От одного человека зависит многое. А если он ещё и хан! (*Пауза.*) Я очень похож на тебя, никто ничего не заподозрит.

Б и р д е б е к. Поменяться?! Великий хан – с каким-то оборванцем?

А х м е д. Разница не особо большая. К тому же ты и сам когда-то писал стихи. Дервиш, прибывший из Ширвана, хвалил тебя!

Б и р д е б е к. Чего не сделаешь по молодости и глупости. Теперь на моих весах лежат не слова, а целый мир. Когда будешь класть голову на плаху, тоже поймёшь – нет в жизни занятия бессмысленнее, чем писать стихи.

А х м е д. Возможно, так... В мире есть два бессмысленных занятия. Второе – это сидеть на троне. Но быть поэтом как-то радостнее. Ты и сам знаешь это. В обители ритм жизни совсем другой! Там и хлеб мягче, и вода чище, и блохи милосерднее. Такие простые радости и помогают человеку жить! Одиночество в тихом месте само по себе – рай. Положишь под голову обыкновенный камень и созерцаешь звёзды. И стихи сами рождаются из самого твоего сердца. Ты же давно мечтаешь об этом, не признаваясь даже самому себе. Разве не лучше, вместо того, чтобы отщипывать кусочки от изысканных яств, боясь быть отравленным, есть ржаной хлеб, набив им полный рот? Тебе не надоело прислушиваться к каждому шороху во дворце и трястись за свой трон?

Б и р д е б е к. И что он сказал?..

А х м е д. Кто?

Б и р д е б е к. Этот, из Ширвана... Тот дервиш...

А х м е д. А-а... Он сказал, что стихи многообещающие, не пустые... Но, как ты сам заметил, поэт должен быть слегка голоден.

Б и р д е б е к. Глупец! Уведите этого оборванца!

Поэта уводят.

Б и р д е б е к (*разговаривает сам с собой*). Этот дервиш растревожил мне сердце... Он сказал, что не постиг я этот мир, лёжа на пуховых перинах, и не оставался я наедине с самим собой вдали от всех. Быть может, мне удастся что-то понять, если положить под голову обыкновенный камень? Один день, всего лишь один день... Ведь никто не узнает об этом. Ахмед Казани завтра же унесёт эту тайну в могилу. Нет, нет... Это безумие! Безумие? А что не есть безумие? Разве жить в этом мире – не безумие? Прожить бессмысленно и бесследно... Что я теряю? Я и без того понемногу схожу с ума от одиночества...

3

Входит кази.

К а з и. Мой султан, каким будет ваш приговор? Отрубить ему голову?

Б и р д е б е к. Голову?.. Нет! Приведите его обратно!

К а з и (*с удивлением*). Обратно?

Б и р д е б е к. А сам выйди.

К а з и уходит. Вскоре в зал вталкивают А х м е д а. Хан и поэт остаются наедине.

Б и р д е б е к. О чём ты там говорил, убогий?

А х м е д. О чём? Не помню. Чего только не скажешь перед смертью.

Б и р д е б е к. Ты сказал: поменяться местами?

А х м е д. А-а... Я всего лишь пошутил, мой султан. Наслаждайся своим троном!

Б и р д е б е к. Пошутил? Так ты не только любитель справедливости, но ещё и шутник, Ахмед Казани! Слушай и выполняй! Если поэту-дервишу и пристало быть шутником, то слово султана – железо. Давай сюда свою одежду!

А х м е д. Одежду... Какую одежду?

Б и р д е б е к. Да ты вдобавок ещё и глухой. *(Снимает с себя чапан и кидает Ахмеду.)* Говорю тебе: меняемся одеждой. Надеюсь, твой *джилан* не вшивый?

А х м е д. Если вши и есть, то всего лишь парочка... Да и та весьма воспитанная. Я бы сказал, даже благородная... Ты не шутишь?

Б и р д е б е к. Я сказал!

А х м е д. Повинуюсь, мой султан!

Обмениваются одеждой.

Б и р д е б е к. Всего лишь на один день, ты понял? Никуда не выходи, никого не принимай. Скажи, что обдумываешь очень серьёзное дело. Не вздумай заходить в покои гарема... Иначе я тебя четвертую.

А х м е д. Не-ет. Я равнодушен к женщинам. Я не видел их сто лет. Кто станет зариться на дервиша... *(Оживившись.)* Значит, так решил, да? Ну, ты же султан, хозяин своему слову. Кстати, не перекусить ли тебе для начала? Говоря по правде, с едой там туговато. Шейх Касим – тот ещё скряга.

Б и р д е б е к. Кто?

А х м е д. Наш хозяин в *текие*. Ведь ты же, наверное, отправишься туда? Ну, конечно! Не станешь же сидеть в тюрьме. Там крысы прохода не дают. В *текие* лучше. О блохах я уже сказал. Впрочем, они, возможно, и не станут пить твою кровь. Не станут, думаю... Они привыкли к крови простолюдинов.

Б и р д е б е к. Прикуси свой язык, оборванец. Одевайся быстрее.

А х м е д. Тебе легко. На тебе всего лишь рваный *джилан*... А мы, султаны, вынуждены надевать на себя кучу одежды.

Б и р д е б е к. Ага... Только что был ты ничто, а уже запел: «Мы, султаны...»

А х м е д. Говорят же: «Калиф на час!» А я стану великим ханом на целый день – это же великий дар Аллаха, однако тебе этого не понять.

Б и р д е б е к. Попробуй посидеть на троне, и ты многое поймёшь.

А х м е д. Не беспокойся, Бирдебек. Поэт может стать султаном, но султану поэтом не стать.

Б и р д е б е к. Скажешь тоже! Я давно знаю, что поэты – это просто пустозвоны.

А х м е д *(рассматривая себя в зеркале)*. Хорош! Кем только я не представлял себя в мечтах. Но мне и в голову не приходило примерить на себе роль татарского хана. *(Обернувшись к Бирдебеку.)* Мой султан, ты, кажется, забыл об одной вещице. *(Кивком указывает на перстень на руке хана.)*

Б и р д е б е к. Какой вещице? А-а... *(раскрывает ладонь и снова сжимает руку в кулак.)* Нет, этот перстень подобает носить лишь настоящему султану. Это ханский перстень.

А х м е д. Изысканную вещь видно издалека. Такое не подобает дервишу. Если его заметит шейх Касим, то ой-ёй...

Б и р д е б е к. Ты много болтаешь. Позови стражника, пока я не передумал.

А х м е д *(севшим голосом)*. Стражник! Эй!

Б и р д е б е к (*смеётся*). Кричи громче. А то блеешь, как коза. Иди, сначала сядь на трон.

А х м е д. Повинуюсь. (*Неловко взбирается на трон, покашливает, кричит громче.*) Стражник!

Входит Черкес.

Уведите оборванца. Я его освобождаю. Скажите казначею, пусть отправит от моего имени побольше еды в обитель шейха Касима. Сегодня ко мне никого не пускать (*поднимает указательный палец над голой*), у меня дело государственной важности. И скажи моим жёнам, пусть сегодня меня не ждут. Ты понял?

Ч е р к е с. Слушаю и повинуюсь, мой султан. (*Толкает Бирдебека в спину.*) Шевелись! (*Уходят.*)

Ахмед некоторое время сидит, словно в забытьи. Потом, подобно Бирдебеку, поднимает руку и сжимает кулак. И внезапно бьёт кулаком по подлокотнику трона.

А х м е д. Стражник! Стражник!

Возвращается Черкес.

Где этот... дервиш?

Ч е р к е с (*с удивлением*). Мы его пустили. По вашему приказу...

А х м е д. Догнать! Он украл мой перстень, оборванец! Он оказался пройдохой. Я даже не заметил... Иди!

Ч е р к е с. Повинуюсь... Привести вора обратно?

А х м е д (*испуганно*). Нет! (*Берёт себя в руки.*) Не нужно. Лишь перстень верните.

Ч е р к е с. А с ним самим что делать?

А х м е д. С ним? А ты как думаешь? Что делают с тем, кто украл перстень у султана? Как там тебя зовут?..

Ч е р к е с. Меня называют Черкесом.

А х м е д. Черкес. Ну-ка, скажи, если бы у тебя украли самую дорогую вещь, что бы ты сделал?

Ч е р к е с. Я понял.

А х м е д. Люблю сообразительных людей. С этого момента ты – сотник в Алтын-Таше! Иди и принеси перстень. Наверно, он уже надел его на свой грязный палец. Действуй.

Черкес скрывается. Ахмед подходит к зеркалу.

А х м е д. Вот так, мой султан. Головокружительное превращение! Неужели ты думал, что я полезу под нож, блея подобно несчастному барану? Я отдал приказ, достойный султана. А тебя погубила гордыня. Мол, как может беспородный дервиш поднять руку на султана?! Вероятно, ты просто-напросто глупец? И верил, что, раз у тебя на пальце перстень хана Бату, то никто не посмеет тебя тронуть? Даже если он когда-то принадлежал кому-то великому, то теперь это всего лишь кусок серебра. Глупцу смерть к лицу. Ты ведь даже не стал обманывать, что оставишь меня в живых. А я бы поверил... Мы же верим каждому слову вышестоящих. Но ты пожалел для меня даже этой сладкой лжи. В результате кровопийца Бирдебек ушёл из мира, и никто не стал рвать на себе волосы от горя. Впрочем, не так... Его светлость хан Бирдебек жив, слава ему! Лишь душа несчастного поэта Ахмеда Казани улетела из клетки, да будет его место в раю!

Гарем ханского дворца. В глубине широкая кровать с кружевным пологом. На коврах сидят Ханике с наложницами и служанками, они заняты тем, что достают жемчуг из раковин. Звучит общий гомон, смех.

1-я де в у ш к а (2-й девушке). Подруга, ты всё твердишь: моя родина, моя страна. Расскажи, какой он, этот благословенный Индостан?

2-я де в у ш к а. Там лето круглый год. Снег впервые в жизни я увидела здесь.

3-я де в у ш к а. Наверно, там не нужны ни шуба, ни шапка.

2-я де в у ш к а. Некоторые ходят, в чём мать родила.

1-я де в у ш к а. Хи-хи-хи... Ты нас обманываешь. Разве кази не велит сечь их плетью?

2-я де в у ш к а. Он и сам ходит голый. Лишь срамное место прикрывает тряпкой...

Девушки громко смеются.

Х а н и к е (с грустным видом). Если бы вы видели мою родину! Сколько лет прошло, а я до сих пор не могу забыть. Какие там дома, сады, храмы... И ипподром!

1-я де в у ш к а. А это что такое?

2-я де в у ш к а. Госпожа султанша, расскажи, расскажи нам... Море – какое оно? Оно шире Идели?

Х а н и к е (отмахивается). Не стану рассказывать. Расстроюсь только.

Некоторое время сидят молча.

1-я де в у ш к а. Девушки, сказать вам кое-что?

Д е в у ш к и. Скажи, скажи...

1-я де в у ш к а. Впрочем, нет, не стану говорить.

2-я де в у ш к а. Раз заикнулась, давай говори. Какая-то тайна?

Девушки склоняются к подруге.

1-я де в у ш к а. Нет, не скажу.

2-я де в у ш к а. Тогда не говори.

1-я де в у ш к а (понижив голос). Сегодня к султану привели какого-то поэта-мятежника.

Х а н и к е. Мятежника?

1-я де в у ш к а. Говорят, он склонял народ к бунту, к тому же он похож на султана, как две капли воды.

2-я де в у ш к а. Как две капли воды? Быть похожим на султана – это очень опасно.

1-я де в у ш к а. Это правда... Этот убогий дурень ходил по улицам и кричал всякое.

В с е о д н о в р е м е н н о. Ну же, ну... Что он кричал?

1-я де в у ш к а. Кричал, что сидящий на троне султан – вовсе не Бирдебек, мол, я – настоящий Бирдебек!

2-я де в у ш к а. Что ты говоришь!

Х а н и к е. Не стоит рассказывать то, во что никто не поверит, даже если это чистая правда.

3-я де в у ш к а. Да, я тоже слышала, госпожа. Этот дервиш умудрился ещё украсть перстень хана!

2-я д е в у ш к а. Неужто и дервиши могут воровать?

3-я д е в у ш к а. Перстень с пальца?! Тогда он необычный воришка. Может, он колдун?

Х а н и к е. Дервиши способны не только обмануть, но и заставить человека сделать что угодно. Они... они... такие...

1-я д е в у ш к а. Точно колдун! Он сказал какие-то заклинания и исчез прямо на глазах у хана.

3-я д е в у ш к а. А перстень?

1-я д е в у ш к а. Он его бросил. Зачем он ему... Он и так колдун!

Х а н и к е. Хватит мелить пустое. (*Хлопает в ладоши.*) Позвать танцовщиц!

Звучит спокойная мелодия. Понемногу она ускоряется. Выходят девушки-танцовщицы, начинают танцевать.

Слышится голос Диван-бека.

Д и в а н - б е к. Великий султан Великого Улуса светлейший хан Гиясетдин Бирдебек!

Х а н и к е (*растерянно*). О Создатель!.. Он же сообщил, что сегодня не придёт... (*Машет рукой танцовщицам и служанкам.*) Выйдите!

Слышен голос Ахмеда.

А х м е д. Пусть останутся!

Х а н и к е. Стойте! (*Служанки, танцовщицы застывают на месте.*)

Входит А х м е д. Он слегка возбуждён.

А х м е д (*приблизившись к Ханике*).

**На её нежной щёчке родинка,
Чтоб сберечь ей дивный стан от недобрых глаз.
Ей дарованы волосы до самых пят!**

Дорогая, я соскучился по тебе!

Х а н и к е. Сегодня тебя я не ждала.

А х м е д.

...Ей дарована добрая душа!

Х а н и к е. Ты сегодня какой-то странный...

А х м е д. Неужто не ждала меня, милая? Ты должна ждать меня каждое мгновение!

Х а н и к е. Сам же известил, что сегодня не придёшь.

А х м е д. Да... Но внезапно вот захотелось тебя увидеть. Но весточку, чтоб не ждала, я и впрямь отправлял... Однако я пришёл, и это тоже очевидно.

Х а н и к е. Что же изменилось за это время?

А х м е д. Мир постоянно меняется... Потом поймёшь. Но ты, похоже, не рада моему приходу?

Х а н и к е (*подчёркнуто вежливо*). Дорогой, не могу насмотреться на тебя. (*Вдруг обнимает хана.*) Просто растерялась от неожиданной радости. Душа возликовала...

А х м е д. Я тоже взволнован, словно это наша первая встреча. Отметим же это свадебным торжеством. Сегодня свадьба, понимаешь, свадьба!

Ханике. Мы в вашем распоряжении, мой султан.
Ахмед. Диван-бек!

Вбегает Диван-бек. Кланяется.

Диван-бек. Слушаю и повинуюсь, мой султан!
Ахмед. Готовьте пиршество! На тысячу гостей! Ханике хочет праздника. А её желание для меня – закон! Сегодня байрам!
Диван-бек. Слушаюсь, мой султан! (*Уходит.*)
Ахмед (*напевая*).

**И было у меня девять тысяч музыкантов:
Тысяча играла на чангах, тысяча – на кубызах.
Тысяча из них были флейтисты, тысяча – горнисты,
Тысяча била в дабылы, тысяча – в аргу;
Тысяча брэнчала в чалгу, тысяча – ударила в дафы,
Тысяча играла в чамбалах, тысяча – в кэф.***

Музыка. Танец девушек. Сияние разноцветных огней понемногу меркнет. Опускается тьма.

5

Ахмед неторопливо одевается. Ханике, обхватив колени, сидит в стороне.

Ханике. Ты не Бирдебек!
Ахмед. Я – не я? Спятила? Кто же я, по-твоему?
Ханике. Он был не таким.
Ахмед. Каким – не таким?
Ханике (*с сомнением*). Таким...
Ахмед. Говори вразумительно.
Ханике. Не знаю! Я тебя не знаю! Не приближайся, иначе я вызову охрану!
Ахмед. Кого ты хочешь напугать? Кричи. Караул! Люди! Это не хан. И я только что переспала с незнакомцем! (*Садится рядом с Ханике, берёт её за руку.*) Но только кто осмелится приблизиться ко мне? Кому настолько не дорога жизнь?
Ханике (*всхлипывает*). О Создатель!
Ахмед. Жена султана должна иметь здравый разум.
Ханике. О чём ты говоришь?
Ахмед. Если тебя услышат... И поверят тому, что я – это не я... Знаешь, что с тобой сделают за то, что ты опозорила ханское ложе? Тебя придушат шёлковой удавкой. И перебыют всех твоих родственников. А так ты останешься женой султана. В будущем станешь *валидэ* – матерью султана! А теперь выбирай. Кричать или нет...
Ханике. Кто ты? Поэт-дервиш?
Ахмед. Хочешь знать правду, не так ли? Хорошо, я скажу правду. (*Пауза.*) Я – Бирдебек! Поняла?

Ханика безмолвно кивает.

* Ударные и струнные музыкальные инструменты.

А х м е д (взяв Ханике за подбородок, разворачивает её лицо к себе). Не слышу!

Х а н и к е. Поняла, мой султан. А он... Он вернётся?

А х м е д. Кто?

Х а н и к е (заикаясь). Он... Поэт-дервиш...

А х м е д. Оттуда не возвращаются. (Идёт к выходу. На пороге останавливается. Не оборачиваясь.) Ночью... Тебе было хорошо?

Х а н и к е (неожиданно кричит). Да-а!

А х м е д. Лучше... чем прежде?..

Х а н и к е (улыбаясь). Лучше. В тысячу раз лучше, мой султан.

А х м е д. Правильно! Жених должен быть немного оголодавшим. (Пауза.) Вот так, Ханике. Ты не копайся в закоулках дарованного счастья. Сливки всегда бывают на поверхности молока. А что там на дне?.. Тьма... (Уходит.)

Некоторое время Ханике сидит со странной улыбкой на лице, потом кидается лицом в подушку и начинает рыдать.

6

Тронный зал. Входит К а з и.

К а з и. Ассальяме-галейкум, Ваше Величество!

А х м е д. Вагалейкум ассальям, кази. По какому делу?

К а з и. Прости, ради всего святого, мой султан, ты приказал недавно... Без твоего ведома не выносить приговора по преступлениям, где решение может оказаться спорным.

А х м е д. Да-да, припоминаю. Правильный приказ. Что случилось?

К а з и. Девушку и юношу обвиняют в блуде.

А х м е д. Приведите!

К а з и. Девушку или юношу?

А х м е д. Конечно, девушку!

Приводят девушку. Рукав её платья порван, голова непокрыта.
Она бросается хану в ноги.

Д е в у ш к а. Спаси, великий хан! То клевета! Навет!

А х м е д (поднимает девушку с колен). Встань! И не кричи... Как звать тебя?

Д е в у ш к а. Зайнап.

А х м е д. Зайнап... Теперь рассказывай, что случилось?

З а й н а п. Оклеветали! Он стоял по ту сторону стены, на улице. Мы даже не видели друг друга! Сосед Галяветдин со своими прислужниками подкараулили нас, поймал и привёл к кази. Этот Галяветдин давно положил на меня глаз...

А х м е д. Значит, юноша был по другую сторону стены, а ты во дворе, так? (Обернувшись к кази.) Какая чудесная сцена, кази! (Обращаясь к Зайнап.) Была лунная ночь, не так ли?

З а й н а п. Я не помню... Нас избили.

А х м е д. Ты любишь его?

З а й н а п. Кого?

А х м е д. Ну... Этого юношу...

З а й н а п. Люблю...

К а з и. Прикажете привести?

А х м е д. Не нужно. (*Накрывает голову Зайнап платком.*) Он тоже любит тебя?

З а й н а п. Любит.

А х м е д. Спел ли он тебе песню?

**Ханская дочь, ты открой двери мне, я войду,
Говорят, статна ты и красива – я посмотрю.**

З а й н а п.

**Что тебе от того, что увидишь мой стан,
Разве ты не видал на Идели стройный камыш?**

А х м е д.

**Ханская дочь, ты открой двери мне, я войду,
Слышал я, лик светел твой – я посмотрю.**

З а й н а п.

**Что тебе от того, что увидишь мой лик,
Разве ты не видал полноликую в небе луну?**

Вот на этом месте на нас и набросились. Великий султан, мы не грешны ни в чём!

А х м е д. Я тоже так думаю, Зайнап. Кази, ты слышал?

К а з и. Но свидетели рассказывают другое!

А х м е д. Кто и что не расскажет! Я верю этой девушке. Скажи мулле, пусть немедленно прочитает влюблённым *никах*. К калыму юноши добавь от меня двадцать дирхемов!

К а з и. Но свидетели...

А х м е д. Ах да... этому, как там его... Галяветдину и его свидетелям – по двадцать ударов палкой. Я всё сказал.

К а з и. Слушаю и повинуюсь, ваша светлость.

З а й н а п. Мой султан... (*Её уводят.*)

А х м е д. Хан иногда должен быть милосердным, кази! Добро возвращается сторицей. Вот увидишь, скоро начнут слагать песни о добросердечном хане!

К а з и. Всё в твоей воле, господин. Но народ... если он почувствует, что вожжи ослабли...

А х м е д. Не волнуйся, кази! Я своё дело знаю! (*Подходит к окну.*) Вон, уходят. Есть ли сейчас в этом городе кто-нибудь счастливее этих двоих? А кто сделал их счастливыми? Я, кази, я! (*И уходит.*)

К а з и. Но сделал несчастным Галяветдина...

7

В тронный зал входят Диван-бек и Танышбек.

Д и в а н - б е к. Бирдебек сейчас в покоях Ханике, здесь нас никто не увидит и не услышит.

К а з и. Он теперь проводит там почти всё своё время. По моему мнению...

Т а н ы ш б е к. Меня не интересует твоё мнение! Сообщи то, что знаешь наверняка.

Д и в а н - б е к. Да, кази, сейчас предпочтительна краткость.

Танышбек подходит к трону, гладит подлокотники, немного поколебавшись, осторожно садится.

Т а н ы ш б е к (*Диван-беку*). Ты расквартировал воинов, прибывших из Крыма? Завтра должны прибыть ещё сто человек.

Д и в а н - б е к. Все обустроены. Вновь прибывшие раскинут шатры за городской чертой.

Т а н ы ш б е к. Нет, они нужны мне здесь. Кази! Давай, рассказывай.

К а з и. Недавно мы бросили в темницу бродягу по имени Ахмед Казани. Он поэт-дервиш...

Т а н ы ш б е к. Ты с ума сошёл, кази? Говоришь о каком-то дервише, когда тут такое творится. Сейчас решается судьба страны!

К а з и. Позвольте мне договорить. Этот дервиш был как две капли воды похож на нашего султана.

Д и в а н - б е к. Когда увидел, я тоже поразился. Он словно его близнец!

К а з и. Я доложил об этом султану. Он приказал привести дервиша к нему. Они долго говорили. После этот дервиш бесследно исчез. Бесследно! Темницу в Салкын-Таш я знаю как свои пять пальцев. Оттуда никто не сбежит. Два есаула, которые приводили поэта к султану, также исчезли, словно в воду канули.

Т а н ы ш б е к. Что потом?

К а з и. Не знаю.

Д и в а н - б е к. Странная история...

К а з и. Возможно, султан держит двойника рядом с собой... Чтобы время от времени показывать его народу вместо себя... Или отправит его с войском на войну... Мало ли какая надобность случится.

Т а н ы ш б е к. Тогда где же он?

Д и в а н - б е к. Во дворце нет места, которого бы я не знал.

К а з и. Я даже не знаю, что сказать...

Т а н ы ш б е к. Не увиливай, старый лис.

К а з и. А может, великий султан сам исчез?

Т а н ы ш б е к. Что?

К а з и (*словно говоря самому себе*). Тогда получается, что на его трон сел нищий дервиш.

Т а н ы ш б е к. Слышат ли твои уши, что мелет твой язык?! Неужели ты хочешь сказать, что мы сейчас подчиняемся оборванцу-поэту? Мы?!

К а з и. Ты сам подумай: возможно ли это? Очень даже возможно. Я только что вышел от султана. Немного присмотрелся к нему.

Д и в а н - б е к. Да, в последнее время султан изменился.

К а з и. Бирдебек неглупый человек, раньше он был груб и высказывался кратко, а теперь плетёт словеса.

Д и в а н - б е к. Согласен... Чтобы так говорить... хм... надо прочитать много книг.

Т а н ы ш б е к. Как простолюдин может сесть на трон?! Чтобы стать ханом, знаешь...

К а з и. Ошибаешься! Бирдебек на ханский трон не Тенгри посадил. Мы посадили. Сев на трон, и простолюдин начинает казаться...

Т а н ы ш б е к. Постой-ка! На его пальце есть...

К а з и. Перстень Бату-хана? Есть, конечно. Но... то, что кто-то надел, другой может и снять.

Т а н ы ш б е к. Мне нужно его увидеть! У меня острый глаз. Сразу пойму – он это или нет...

К а з и. Не спеши. Человек – как вино. В какой кувшин нальёшь, ту форму и примет. Если Ахмед Казани назвал себя Бирдебеком, значит теперь он и в самом деле Бирдебек!

Д и в а н - б е к. А какая нам разница, какое вино внутри! Этот кувшин надо разбить.

К а з и. Да, вино это уже невозможно пить. В рот не возьмёшь. Напрочь скисло...

Т а н ы ш б е к. Вы очень мудрено и витиевато выражаетесь. Мы с Бирдебекем вместе выросли, наши отцы – братья! Если на троне не он, то, как только я его увижу... сразу же... (*Нащупывает рукоять сабли.*) Отрублю голову!

8

Двери тронного зала распахиваются, входит А х м е д.

86

А х м е д. Что здесь происходит?

Танышбек торопливо поднимается с трона. Кази и Диван-бек тоже заметно растеряны.

Д и в а н - б е к. Вот... мой султан, Танышбек хотел тебя повидать. Мы ему говорим, мол, султана тут нет, а он вопреки нашим словам...

А х м е д. Аж на трон взобрался? Потому что хотел со мной увидеться...

Т а н ы ш б е к. Да, светлейший хан Бирдебек, давно мы с тобой не встречались.

А х м е д. Я тоже рад тебя видеть. Мы же братья! Из одного и того же знатного рода! (*Обернувшись к Кази и Диван-беку.*) Выйдите!

Кази и Диван-бек, пятясь, удаляются.

Ну, и зачем ты хотел меня видеть? Соскучился?

Т а н ы ш б е к. У меня к тебе дело. Все мои родственники...

А х м е д. Наши родственники, Танышбек!

Т а н ы ш б е к. Да... Так вот... Все наши родственники хотят увидеться с тобой и поговорить. Нужно кое о чём посоветоваться.

А х м е д. Хороший совет – половина удачи. Конечно, если совет будет разумным. Приходите. Приглашаю сегодня вечером на пир. Готовы ли все прийти?

Т а н ы ш б е к. Мы давно готовы.

А х м е д. Я тоже подготовлюсь.

Т а н ы ш б е к. Тогда сегодня вечером соберёмся все, мой султан?

А х м е д. Жду. Ты только об этом хотел поговорить? Не хочешь ли ещё немного посидеть на троне?

Т а н ы ш б е к. Нет, я думал спросить об одной мелочи...

А х м е д. Если ты сейчас задашь все свои вопросы, о чём же мы будем говорить на пиру?

Т а н ы ш б е к. Один бродяга, как уж там его зовут...

А х м е д. Хочешь спросить об Ахмеде Казани.

Т а н ы ш б е к. С полуслова понял!

А х м е д. Неужто мои родственники начали интересоваться поэтами? С каждым днём вы удивляете меня всё больше!

Т а н ы ш б е к. Нам кое-что не нравится...

А х м е д. Я прекрасно знаю, что вам не нравится! А хочешь знать, что не нравится мне? (*Пауза.*) В то время как идёт война с Ираном, вы шпионите за султаном! И ещё... Мне не нравится, что по дворцу шастает всякое отребье, увешанное оружием!

Т а н ы ш б е к. Они мои гости!

А х м е д. Мне дела нет до того, чьи они гости. Пусть завтра же отправляются в Иран вслед за войском. Все до одного!

Т а н ы ш б е к. Даже хан не может быть выше обычаев.

А х м е д. Ошибаешься, Танышбек. Слово хана выше любого обычая. И если у тебя есть голова на плечах, ты очень скоро поймёшь это.

Т а н ы ш б е к. Сегодня вечером всё обсудим и решим, мой султан.

Уходит. Ахмед обхватывает ладонями голову.

А х м е д. Дела плохи, плохи... Они уже сговорились. На кого мне опереться? Этот трон ничем не лучше рваного *джиляна* Ахмеда Казани. Выбравшись из одного капкана, не угодил ли ты в другой, Ахмед-Бирдебек?

9

Смеркается. Бесшумно входит Черкес. Смотрит издали на Ахмеда, не решаясь заговорить.

А х м е д (*увидев его, вздрагивает*). Кто это? А-а, это ты... Что надобно?

Ч е р к е с. Вы звали меня, мой султан.

А х м е д. Я? Звал? Не помню... Впрочем, кажется, я приказал позвать тебя.

Ч е р к е с. Приказывайте, мой султан.

А х м е д (*шепчет*). У тебя есть надёжные нукеры?

Ч е р к е с. Из сотни доверяю пятидесяти. Они из Бештау, это наши люди. За тебя в огонь и воду.

А х м е д. Пятьдесят человек могут горы свернуть...

Ч е р к е с. В последние дни из Крыма прибывают какие-то люди, будто бы в гости к Танышбеку. Держатся высокомерно.

А х м е д. Сколько их?

Ч е р к е с. Пожалуй, сотня будет. Сегодня-завтра должны прибыть ещё. До их появления хорошо бы разобраться с этими.

А х м е д. Именно так. Нарыв созревает и лопается. И тогда его прижигают калёным железом, не так ли?

Ч е р к е с. Только прикажи, мой султан.

А х м е д. Нарыв – не крымцы. Нарыв – это Танышбек. Догадываешься?

Ч е р к е с. Когда?..

А х м е д. На троне есть место лишь для одного, Черкес! Сделай трон шире в десять раз, и всё равно на нём поместится лишь один. В крови моих родственников живёт ненависть ко мне и месть. И если ненависть босяка таится на дне нищенской котомки, то ненависть беков – всегда на острое меча.

Ч е р к е с. Когда есть такие родственники, враг не нужен, мой султан.

А х м е д. У меня к тебе тайное поручение, Черкес.

Ч е р к е с. Всё, что поручишь, станет для меня приказом!

А х м е д. Сегодня вечером мои собратья соберутся здесь на пир. Все, кто жаждет моей крови. Что у них на уме, я не знаю. Но, когда в твою обитель вползают ядовитые змеи, кто станет рассуждать об их намерениях? Гадать не время.

Ч е р к е с. Пока станешь гадать, ужалят!

А х м е д. Люблю сообразительных людей. Раздели своих воинов на две части. Пусть одна не пускает на пир посторонних. Вторую часть одень поварами. У них всегда бывает при себе нож для резки мяса!

Ч е р к е с. Понял.

А х м е д. Как только скажу: «За ваше здоровье, братья!», сразу пусть прини-

маются за дело. А воины снаружи тем временем займутся гостями из Крыма. Ты понял?

Черкес. Слушаюсь. Но, мне кажется, султан хочет сказать что-то ещё.

Ахмед. А-а... Когда закончится эта заварушка, я отправлю Диван-бека эмиром в Азак*. Пусть отдохнёт от шумного Сарая. Дивану нужен будет новый бек. Соображаешь?

Черкес. Вот теперь не осталось ничего непонятого, мой султан.

Ахмед. Тогда предадим себя воле Аллаха.

Черкес уходит, Ахмед остаётся один.

Ахмед. Иди, Черкес, убийца и палач. Сейчас ты – моя единственная опора. Ты задушил Бирдебек, а перед этим пинками гнал меня в темницу. Я не осуждаю, это твоя работа. Меня немного беспокоит лишь то, что теперь я твой должник. Позовите Ханিকে!

88

Действие второе

1

Сцена освещена сумеречным светом. По ней словно бродят тени, однако голоса хорошо слышны.

– Ещё никогда со времён правления просвещённого хана Берке наше государство не было столь благополучным.

– Сплетники разоблачены, но повелитель не опустился до мести.

– Бирдебек подтвердил величие народа не заслугами наших предков, а действием его достойных сынов.

– Междоусобные войны закончились. Бирдебек вернул нам славу Саин-хана.

– Он выслал из города всех бездельников в степь пасти стада.

– Бирдебек сказал: «Народ – самое большое достояние государства!»

– Ещё он сказал: «Народ и хан едины!»

– Человеку к лицу лишь одна слава – подчиняться стране и народу, а значит – султану!

2

Тронный зал

Диван-бек. Поэты ожидают возле дверей, мой султан!

Ахмед. Чего хотят?

Диван-бек. Сегодня последний день месяца. Они приходят каждый месяц, чтобы восславить тебя, неужто забыл?..

Ахмед. А-а, придворные соловушки!

Диван-бек. Отказать им?

Ахмед. Нет, позови, послушаем их оды.

Диван-бек. Сегодня пришёл и Асук. Невиданное дело. В прежние времена он во дворец ни ногой.

* Азак – название города Азова в XIII–XIV веках.

А х м е д. Асук? И впрямь удивительно! Что он тут забыл, певец бродяг и нищенок? Терпеть не мог придворных поэтов. Что ищет он сегодня в ханском дворце?

Д и в а н-б е к. Наверно, жизнь заставила.

А х м е д. Но, кажется, Ахмед Казани не появлялся при дворе...

Д и в а н-б е к. Он приходил сюда всего лишь раз, мой султан. Точнее – его приводили. (*Уходит.*)

Двери распахиваются, входят А с у к и поэты. Почтительно склонив голову, они приветствуют хана.

П е р в ы й п о э т. Хан ханов! Султан султанов! Золотой столб, держащий на себе свод Вселенной. При одном звуке твоего имени враги дрожат от страха. Когда на небе светит солнце, поэты прославляют тебя. А ночью звёзды на небосводе услышат о тебе и, не в силах справиться с завистью к твоей славе, погаснут перед рассветом...

А х м е д. Довольно! Мне вдруг захотелось смахнуть с неба эти завистливые звёзды. В моих ли это силах?

А с у к. А ты пробовал смахнуть?

А х м е д. Пробовал.

А с у к. И как? Сумел?

А х м е д. Не смог дотянуться. Не подчиняются звёзды моей воле. Поэтому я сегодня в печали.

А с у к. Печаль скоро пройдёт. Ведь звёзды вскоре тоже припадут к твоим ногам.

А х м е д. Я тоже так думаю. Ну, который из вас начнёт первым? Однако заранее предупреждаю: если мне не понравится чьё-то стихотворение, тут же прикажу отрубить ему голову.

1-й п о э т. Асук пришёл во дворец в первый раз. Начнём с него...

А х м е д. Ага, ты, видимо, решил, что ты самый умный... Асук будет последним. Давай, с тебя и начнём.

1-й п о э т. Не гневайся, мой султан. Начинаю! На небосводе, словно солнце, лучами светлыми своими...

А х м е д. Довольно! Уведите его. (*Первый поэт падает на колени.*) Постой, пусть останется. Послушает других, прежде чем отправится на тот свет. Ну, давай второй...

2-й п о э т (*дрожащим голосом*). Подобно кречету в степи...

А х м е д. Замолчи. Зачем мне вас кормить за столь бесцветные и слабые стихи? Говорят, в загробном мире ангелы, не переставая, возносят хвалу Всевышнему. Может, там научитесь искусству писать хвалебные вирши... Ну, что же, очередь за третьим...

3-й п о э т. Прости своих грешных поэтов, мой султан. Мы больше ни на что не годны. В нашей груди отныне не соловьи, а вороны.

А х м е д. Вот это сравнение мне понравилось. Искренне. Поэт прежде всего должен быть искренним. Может, мне вас помиловать хотя бы за эти слова?

П о э т ы. Помилуй, помилуй!

А х м е д (*Диван-беку*). Прогони их в степь. Пусть пасут скот, будет хоть какая-то польза государству. А ты, Асук, останься.

Диван-бек уводит поэтов. Хан остаётся наедине с Асуком.

А х м е д. Ну, что скажешь?

А с у к. Тебя не обмануть дешёвой похвалой.

А х м е д. Для поэта слова мало что значат. Он может щедро сыпать ими, чтобы скрыть свои истинные мысли.

А с у к. Тогда к чему был этот балаган?

А х м е д. А-а, это я осуществил свою давнюю мечту. Убогие поэты, толпящиеся у трона, годятся лишь на то, чтобы пасти стадо. Мне должен воздавать хвалу в стихах сам шах поэтов – Асука!

А с у к. Но мы ведь и без восхвалений знаем, кто есть кто.

А х м е д. Нет, ты ещё не знаешь, кто я.

А с у к. Трон обладает огромной силой притяжения. Лишь тот, кто может преодолеть эту силу, способен понять смысл жизни. Кто ты?

А х м е д. Станный вопрос... Кто я?.. Разве ты не слышал: в Небе – Тенгри, на земле – хан. Если угодно, считай меня тенью Тенгри.

А с у к. Если хочешь уйти от ответа, кивай на Тенгри. Знаем... *(Подходит и садится возле трона.)* Помнишь, однажды случился бунт, и мы вместе с ханским войском пошли, чтобы подавить бунтующих.

А х м е д. Помню.

А с у к. В то утро перед боем весь мир звенел от соловьиных трелей.

А х м е д. Не помню.

А с у к. Наконец, мы бросились в атаку. Все кричали: «Алла!» Никто не сомневался, что Аллах на нашей стороне. Враги тоже неслись на нас с криками: «Алла!» Они ведь тоже были уверены, что Аллах с ними! В той битве погибло много воинов с обеих сторон. Никто не победил. Вернее, мы все проиграли. Потому что Тенгри не было с нами. Ни на нашей, ни на той стороне его не было.

А х м е д. Где же он был?

А с у к. Он был среди соловьёв.

А х м е д. Какая польза от того, что ты сейчас говоришь об этом?

А с у к. Кто ты?

А х м е д. Если угодно, называй меня Бирдебеком.

А с у к. Я пришёл предупредить. Тебя скоро убьют!

А х м е д. Ладно, довольно. У меня нет времени болтать с тобой о пустяках. У меня важные дела. Диван-бек подаст тебе *садаку*. Прочитай молитву за упокой светлой души Ахмеда Казани. Ведь он был хорошим человеком и хорошим поэтом, не так ли?

А с у к. Ты считаешь кровопролитие необходимым делом?

А х м е д. Я защищаю свою жизнь – вот самое важное дело для меня! Каждый ценит свою собственную жизнь. Покажи мне хоть одного, кто готов отдать свою жизнь ради того, чтобы не убили другого!

А с у к. Когда-то Ахмед Казани был таким.

А х м е д. Хватит! Закрой рот, иначе я...

А с у к. Иначе – что? Велишь отрубить мне голову? Или повесишь, зарежешь, великий хан Бирдебек?! Всё в твоей воле. Но ведь Ахмеда Казани ты не смог убить! Его стихи до сих пор читают на площадях.

А х м е д. Довольно, поэт, ступай своей дорогой. Ничего ты не сможешь изменить. И никто не сможет. Не вынуждай меня произносить пустые речи. Ступай прочь и больше не приходи... *(Подталкивает Асука к двери.)*

А с у к. Прощай! *(Уходит.)*

3

Ахмед и Ханике сидят на троне. Перед ними – гости, однако они видны неотчётливо, угадываются лишь их тени. Слышатся разговоры. Девушки танцуют.

А х м е д. Угощайтесь, дорогие гости! На столах всё, что душа пожелает.

К трону с чаркой в руках приближается Т а н ы ш б е к. Девушки перестают танцевать.
Глядя на хана, Танышбек поёт:

**В степях шумят ковыли.
Рыжий лис охотится на диких гусей,
Лишь ветер разгоняет их перья,
Молодой охотник выходит на охоту...**

А х м е д. Ах, Танышбек! Лучший из мужей! Спел прекрасную песню, всколыхнул мне душу. Ты, конечно, охотник! А кто же я? Рыжий лис или дикий гусь? Почему же ты замолчал?

Т а н ы ш б е к. Сначала слушаем тебя.

А х м е д (*подняв руку*). Слушайте! Мне стало известно, что во дворце про меня ходят разные слухи. Дескать, я – это не я. Что на троне сижу не я, Бирдебек, а какой-то похожий на меня бродяга-поэт. Я бы даже не стал прислушиваться к этому. Султан выше всяких сплетен! Но мои кровные родственники... Вот вы! Ведь вы тоже распространяете эти слухи. (*В зале устанавливается мёртвая тишина.*) Ну, и кто из вас утверждает, что я не Бирдебек? Который из вас? Может, ты, Танышбек?

Т а н ы ш б е к. Я так не говорил. Бирдебек – это Бирдебек, а поэта-дервиша уже нет на свете... Зачем вызывать его призрак...

А х м е д. Правильно! Подойди сюда, Танышбек. (*Указывает на место справа от себя.*) Вот твоё место. Справа от меня. Запомни, Танышбек, это место – твоё навеки. Начиная с сегодняшнего дня ты – правая рука султана!

Танышбек нехотя садится справа от султана.

Или ты недоволен?

Т а н ы ш б е к. Благодарю, мой султан. Ты оказал мне честь.

А х м е д. Пусть каждый знает своё место! Только тогда будут мир и спокойствие в ханстве. Я не стану называть себя самым выдающимся человеком среди вас, потому что за столом сидят храбрые воины, мудрые учёные. Быть султаном не означает быть самым лучшим. Этот трон принадлежит мне по воле судьбы, поэтому я распределю между вами остальные места. Не знаю, справедливо ли это, но я считаю, что Танышбек более других достоин быть справа от моего трона.

Т е н и. Живи тысячу лет, султан!

Одна из Теней видится немного явственнее (этот Некто встаёт, переполненный чувствами):

Солнце справедливости, повелитель Вселенной хан Бирдебек! Мы готовы умереть за тебя!

А х м е д. Умереть ещё успеете. А пока угощайтесь.

Н е к т о. Только ты! Только ты – настоящий хан Бирдебек!

А х м е д. Вот как? Ты говоришь от чистого сердца? Но пусть ни у кого не останется сомнений. (*Хлопает в ладоши.*) Принесите Коран!

С Кораном в руках торжественно входит Ч е р к е с. Он кладёт священную книгу на невысокую скамью возле трона.

Вы знаете, что исконный Коран хранится у Всевышнего. А этот Коран был переписан ещё во времена нашего Пророка.

Т а н ы ш б е к. Аллах акбар! Зачем ты рассказываешь нам об этом? Здесь нет ни мулл, ни прочих им подобных.

А х м е д (*не слушая его*). По левую руку от меня сидит моя дорогая жена. Сколько провёл я с ней под одеялом ночей! Какая жена перепутает своего мужа с чужим мужчиной? (*Оборачивается к жене.*) Жена! Скажи этим заблудшим, кто я!

Х а н и к е (*окидывает взглядом сидящих за столом и решительно говорит*). Ты – мой муж...

А х м е д. Все слышали?

Звучат голоса: «Слышали, слышали».

В ваших сердцах не должно остаться места сомнениям. Ханике! Ты забыла приложить руку к Корану.

92

Ханике, подчиняясь холодному взгляду Ахмеда, опускается на колени перед скамьёй и кладёт ладонь на Коран.

Х а н и к е. Ты – мой муж Бирдебек. Аллах – свидетель, другого мужа у меня нет.

А х м е д. Не стану теперь тебя задерживать, милая Ханике. Завершение таких пиров бывает немного шумным, тебе не понравится.

Подхватив Ханике под руку, Ахмед провожает её до двери.

А х м е д. Теперь, братья, можно было бы и прочитать завершающую молитву. Но чувствую – вы ещё не всё сказали.

Н е к т о. Мой султан, мне нечего сказать. Если позволишь, я бы ушёл.

А х м е д. Разумеется! Кто хочет, может уйти.

Несколько теней исчезают. Встаёт Т а н ы ш б е к.

Т а н ы ш б е к. Каждое твоё слово, мой султан, дороже всех драгоценностей. Иногда говорю себе: Танышбек, неужто это тот самый Бирдебек, с которым вы вместе выросли? Это сын хана Джанибека, который учил нас держаться в седле, стрелять из лука? Тот самый Бирдебек, который боролся со мной, соперничал в состязаниях? Конечно, это он! Я ни капли не сомневаюсь в том, что это – Бирдебек. Однако в прежние времена Бирдебек был скуп в речах. А теперь он словоохотлив, подобно персидским поэтам. Порой даже не поймёшь, какой смысл прячется за его словами.

1-я т е н ь. Раньше султаны ходили с войском в военные походы.

2-я т е н ь. Войско ушло, султан остался дома.

3-я т е н ь. Молоть языком...

4-я т е н ь. Нам нужен хан-воин, как и прежде.

Т а н ы ш б е к (*подняв руку, даёт знак теням замолчать*). Мой султан! Только что прискакал гонец, ты знаешь, что наше войско потерпело поражение в Иране?

А х м е д. Хватит, Танышбек! В войне либо выигрываешь, либо проигрываешь. Ты ведь рад тому, что мы проиграли. Всю жизнь ты мне завидовал, пустая ненависть затмевала твой разум. Я – Бирдебек, ты – Танышбек, давай прощаться, брат! (*Теням.*) За ваше здоровье, братья! (*Вонзает кинжал в Танышбека.*) Простите и прощайте!

На сцене – беспорядочное переплетение теней.

Вскоре над всеми опускается красный занавес.

Покои в гареме. Ханике сидит на ложе. Девушка-служанка причесывает её длинные чёрные волосы.

С л у ж а н к а. Во дворце царит безмолвие. Никто ни с кем не разговаривает. Словно в доме, из которого вынесли мертвеца.

Х а н и к е. Когда уносят умершего, в душе наступает какое-то облегчение. Такое, в котором человек не хочет признаться даже себе. А здесь на нас давит какая-то тяжесть. Каждый чего-то ждёт.

С л у ж а н к а. Словно надвигается невиданное и неслыханное несчастье.

Х а н и к е (*прислушивается*). Затишье перед бурей.

С л у ж а н к а (*плачущим голосом*). Я боюсь, моя госпожа...

Х а н и к е. Чего бояться? Что суждено, то и будет.

С л у ж а н к а. Суждено... Хотелось бы увидеть, что там дальше.

Х а н и к е. А что ты хочешь увидеть, милая?

С л у ж а н к а. И сама знаешь, госпожа.

Х а н и к е. Откуда же мне знать?

С л у ж а н к а. Я хочу выйти замуж!

Х а н и к е. Есть кто-то, на кого ты положила глаз?

С л у ж а н к а. Если бы только положила глаз! (*Пауза.*) А вдруг он меня не любит?

Х а н и к е. А ты сделай так, чтобы полюбил! Для этого есть тысяча способов.

С л у ж а н к а. Вон Фатима сумела заставить полюбить и после своего жаркого Индостана попала в промёрзшие насквозь русские земли.

Х а н и к е.глядишь, Фатима и не замёрзнет, в ней достаточно огня. И в этих землях люди живут. Ты же сама оттуда?..

С л у ж а н к а. Меня увезли ещё в детстве. Отца с матерью даже не помню. Были ли они у меня?

Х а н и к е. Это, может быть, и к лучшему. А то пожелтела бы от тоски...

С л у ж а н к а. Как ты?

Х а н и к е. Болтаешь лишнее!

С л у ж а н к а (*понизив голос*). Говорят, он велел перебить всех, кто был на пиру... Всех своих родственников...

Х а н и к е. Поблизости от трона нет места родственным чувствам.

С л у ж а н к а. Что будет, что теперь будет?

Х а н и к е. Будет рассвет, а потом закат. Солнце не подчиняется ничьим приказам, встаёт и садится, садится и встаёт.

С л у ж а н к а. Придёт ли сегодня хан в твои покои?

Х а н и к е. Придёт, почему бы нет...

С л у ж а н к а. Ведь целую неделю не показывался.

Х а н и к е. Он готовится к походу, наверно, нет времени...

С л у ж а н к а. Кажется, ты и сама его очень любишь?

Х а н и к е (*легонько толкнув девушку*). Болтаешь лишнее!

С л у ж а н к а. А я его боюсь.

Х а н и к е. Он девушек не трогает.

С л у ж а н к а. Я знаю. Но, как только вижу его, становлюсь словно лань, увидевшая волка.

Х а н и к е. Уж не влюбилась ли ты в хана, девушка?

С л у ж а н к а. Нет, госпожа, упаси Аллах. Не настолько я безумная, чтобы влюбиться в мужа своей госпожи.

Х а н и к е. Ведь он султан. Даже если влюбишься в него, в том нет греха. Жен-

щины любят сильных, богатых мужчин. Но как же они ошибаются – все мужчины как дети. Бородатые дети...

С л у ж а н к а. Вот ты – дочь Ромейского* царя! У тебя и бог был другой. Ты хотела бы вернуться обратно?

Х а н и к е (*задумчиво*). Бог один... Лишь дороги к нему разные.

С л у ж а н к а. Скучаешь?

Х а н и к е. Скучаю...

Голос Диван-бека:

Д и в а н - б е к. Великий султан Великого Улуса светлейший хан Бирдебек!
С л у ж а н к а (*вскакивает с места*). Если понадобится, позовёшь, госпожа.
(*Убегает.*)

94

5

Входит А х м е д. Увидев Ханике, обнимает её.

А х м е д. Какие у тебя чёрные волосы. Густые, словно дремучий лес. Хочется заблудиться в них. Наверно, только там можно скрыться от окружающих нас продажных, жадных, подлых людей...

Х а н и к е. Ты не любишь людей...

А х м е д. А за что их любить? Я вижу их насквозь. В них нет ничего, за что их можно было бы любить...

Х а н и к е. И меня не любишь...

А х м е д. Ты другая! (*Обнимает её.*) Тебя люблю!

Х а н и к е (*Негромко*). Поэты... Наверно, только поэты умеют любить по-настоящему...

А х м е д. Что?! А-а, поэты... Они даже сами не верят своим словам. Игра, всё игра...

Х а н и к е. Убийство людей – тоже игра?

А х м е д. Конечно! Самая отвратительная игра! Либо ты их, либо они тебя! Кто кого обыграет. Кто успеет первым. В этом и суть игры!

Х а н и к е. Я тебя не понимаю!

А х м е д. И не надо! Из игры можно выйти только мёртвым. И я скоро выйду! Сказать тебе, каков будет конец игры? Ты прибежишь, бросишься возле меня на колени, вскинешь лицо к небу и в тоске закричишь...

Х а н и к е. Стой! Не говори так даже в шутку!

А х м е д. А я и не шучу. Ты меня любишь?... Любишь, не так ли?

Х а н и к е. Люблю, люблю.

А х м е д. Есть хоть какой-то свет... Приятно знать, что кто-то тебя любит. А по сути, это и есть любовь к себе.

Х а н и к е. Почему ты во всём находишь что-то дурное? Просто живи обычным султаном!

А х м е д. Ладно. Скажи, ты же скучаешь по своей родине? По Ромее? И собор Святой Софии снится тебе, тревожа по ночам... (*Он протягивает руку к груди Ханике и срывает спрятанный под платьем нательный крестик.*) Вот! А сама изображаешь из себя мусульманку!

Х а н и к е. Мой султан... Я в твоей власти! Если пожелаешь, вели казнить меня.

* Ромея – прежнее название Византии – Восточной Римской империи.

А х м е д. Нет... *(отдаёт крестик Ханике.)* Завтра ты отправишься с караваном в Ромею. Тебя будут сопровождать триста всадников. Ни волосок с твоей головы не упадёт. Вскоре встретишься со своей родиной, с отцом и матерью! Будешь молиться на своём языке!

Х а н и к е. Мой султан! Я надоела тебе?

А х м е д. Нет, вовсе нет. Но нам предстоит расстаться... Вот от меня тебе на память *(протягивает перстень)*.

Х а н и к е. Перстень хана Бату? Не-ет, если это увидят, меня тут же...

А х м е д. А ты спрячь подальше. Впрочем, после меня он никому не будет нужен. Род хана Бату прервётся!

Х а н и к е. Не говори так! Ты, Бирдебек...

А х м е д. Остановись! Ты прекрасно знаешь, что я не Бирдебек. Я – поэт Ахмед из Казани! Когда я был маленьким, по приказу хана был уничтожен весь мой род. Только я спасся благодаря одному старику-дервишу. Вот такая игра...

Х а н и к е *(прижав к груди голову Ахмеда)*. Бедный мой... Теперь ты отомстил!

А х м е д. Завтра на рассвете... ты тронешься в путь...

Х а н и к е. Но мы ведь ещё встретимся?

А х м е д. Мне нужно осмотреть место охоты. До выхода в военный поход войско проверяют на охоте. Когда вернусь, приду к тебе. *(Уходит.)*

6

Тронный зал. Карачи, Кази, Диван-бек, Черкес.

К а з и. Хан уехал осмотреть охотничьи угодья, поговорим, пока его нет.

К а р а ч и. Как только вернётся, надо сразу покончить с ним, уж нет мочи терпеть. Войска не встанут на его защиту. Достаточно будет подать им знак.

Д и в а н - б е к. Сколько можно дрожать перед каким-то замухрышкой-дервишем! Или мы забыли, кто мы? Неужели кровь в наших жилах превратилась в воду? Вчера он разговаривал со мной, сидя на ночном горшке! Смотрел в глаза и смеялся, мерзавец! *(Остальные хихикают, прикрыв рот рукой.)* Что вы смеётесь, да чтоб вам без бороды остаться! Вы видели, всех придворных поэтов, дервишей он изгнал в степь пасти стада? Теперь очередь за эмирами. С двумя мурзами он уже расправился, привязав их к лошадиным хвостам и пустив в степь.

К а р а ч и. Говорит, что покушение на род Чингисхана – это преступление. А смерть *огланов** списал на нас.

К а з и. Я не участвовал в их убийстве. Пусть у Черкеса голова болит.

К а р а ч и. Черкес! Ты с нами?

Ч е р к е с. С вами! Не хочу, чтобы на троне сидел какой-то дервиш-оборванец. Чернь никогда не держит слова.

К а р а ч и. Тут ты не прав. Ханы тоже не держат слово. Политика!

К а з и. Разве татары могут вынести такое унижение?

Д и в а н - б е к. Татары народ терпеливый. К тому же, в этом деле торопиться нельзя. Кази, ты поговорил с Ханике? Как обстоит дело?

К а з и. Ханике утверждает, что он – истинный Бирдебек...

К а р а ч и. Оказавшись под мужчиной, женщины теряют разум.

Д и в а н - б е к. Дело не только в этом. Ханике – умная женщина. Она поклялась на Коране, что это Бирдебек. Если она отречётся от своих слов, кто станет считаться с ней как с мусульманкой?

* **Огланы** – члены и потомки рода Чингисхана, но не имеющие права на трон.

К а з и. Она – мусульманка?! Эта женщина – дочь ромейского царя, будь она проклята! Она лишь изображает, что сменила веру! Для неё поклясться на Коране – раз плюнуть!

Д и в а н - б е к. Во-вторых, жене хана, делящей ложе с каким-то бродягой-дервишем, нет места не только во дворце, но и вообще нигде на земле.

К а з и. У них – я имею в виду в Ромее – эдакий пустык...

Д и в а н - б е к. В-третьих, если Бирдебек будет убит, то её ждёт шёлковая удавка... Ей некуда отступить.

Ч е р к е с. А зачем нам подробности об этой женщине? Отправим обоих куда надо! Чего зря языком молотить!

К а з и. А кого посадим на трон?

Д и в а н - б е к. Пусть для народа он останется Бирдебек. Иначе станем посмешищем для всех: мы же подчинились какому-то оборванцу-дервишу. А так мы покончим именно с сыном Джанибека – Бирдебек, жестоким тираном Бирдебеком!

К а р а ч и. Мне всё равно, кто будет занимать трон. Лишь бы не трогал мои богатства и владения. Этот ублюдок переселил на Яик мои тридцать аулов. Он смешивает роды между собой! А если наш род пресечётся, кем мы будем тогда? Бек без племени никто!

Д и в а н - б е к. Если бы сидящий на троне слушался нас, то неважно, кто он – дервиш или кто-то другой. Но этот перестал считаться с нами. Вчера схватил меня за бороду: «Когда она у тебя, наконец, вырастет?» Ещё угрожал отделить половину моего племени и переселить её на земли найманов...

К а р а ч и. Поскольку сам он – человек без роду и племени, то задумал уничтожить другие знатные семьи. У нас-то есть родословная, слава Аллаху. Она ведёт начало от пророка Ноя.

К а з и. Кого посадим на трон? Ведь из потомков Бату-хана никого не осталось.

Ч е р к е с. Он всех велел перебить. Что ни говори, а рука у него твёрдая.

К а р а ч и. Никто не может знать, что его ждёт завтра. А этот начал вмешиваться в дела Тенгри.

Ч е р к е с. Надо покончить с ним до начала охоты!

Д и в а н - б е к. Знаешь главное правило охоты?

Ч е р к е с. Рука охотника не должна дрогнуть, вот всё её правило.

Д и в а н - б е к. Нет, важнее всего – самому не стать добычей!

К а р а ч и. Да, это так, надо быть осторожными. Он очень хитрый... Как бы не превратил нас самих в дичь.

Ч е р к е с. Если мы сложимся в один кулак, то победим. Дворцовая стража подчиняется мне.

К а з и. Кого же мы посадим на трон?

Д и в а н - б е к. Не перебить бы хребет неродившегося жеребёнка. Уж поверь, трон пустым не останется!

К а з и. Это верно. Но я беспокоюсь, как бы не разгорелась междоусобица.

Ч е р к е с. Да, если нет хана, то трон – это всего лишь стул.

Д и в а н - б е к. Хана убьём перед выходом на охоту, каждый нанесёт свой удар. Султана не должен убивать один человек. Не забывайте – мы прикончим великого султана Великого Улуса сиятельного хана Гиясетдина Бирдебек. За его преступления перед страной и народом! Аминь *(все шепчут молитву)*.

С улицы доносится удаляющийся стук копыт о булыжную мостовую.

К а р а ч и. Похоже, нас кто-то подслушивал...

К а з и *(растерянно топчется на одном месте)*. Я не сказал ни слова... ничего не сказал... не сказал...

Черкес, очнувшись, бросается к двери, снаружи доносится его крик: «Догнать!»

Д и в а н - б е к. Назад дороги нет. Да поможет нам Господь.
К а р а ч и. Аминь.

Спешно уходят.

7

В двери быстрым шагом входит хан. За ним идёт Черкес.

А х м е д. Вижу, тебе есть что сказать, Черкес? (*Садится на трон.*)

Ч е р к е с. Всегда есть что сказать, мой султан. Но лучше, если слова реже вырываются наружу.

А х м е д. Люблю разумных людей. И всё же время от времени надо давать волю словам, Черкес. Иначе они пронзят тебя насквозь. Я волнуюсь за тебя. Скоро нам предстоит отправиться на войну...

Ч е р к е с. Скоро в поход... Ты говорил, что сделаешь Диван-бека эмиром в Азаке.

А х м е д. А-а, оказывается, тебя волнует судьба Диван-бека. Знаешь, Черкес, я передумал. Диван-бек – очень опытный придворный. В Сараях бывает много послов и гостей, и у каждого свои традиции и правила. С ними сложно: там надо поклониться, здесь прогнуться. Это тебе не саблей махать. Нужно иметь ум. Диван-бек на своём месте.

Ч е р к е с. Да, каждый должен знать своё место.

А х м е д. Я уже где-то слышал эти слова.

Ч е р к е с. Сам сказал их перед тем, как уничтожить огланов.

А х м е д. Я сказал? Но ты же знаешь своё место. (*Встаёт и кладёт руку на плечо Черкеса.*) Черкес! В Азак я отправлю тебя. Будешь эмиром. Ты рад? Оттуда совсем недалеко до твоих гор.

Ч е р к е с. Слушаю и повинуюсь.

А х м е д. Умеешь сдерживать чувства, Черкес. По тебе и не скажешь, что ты рад.

Ч е р к е с. Я рад, мой султан.

А х м е д. Ещё бы ты не был рад! Наверно, тебе надоел этот Сарай. Ты же дитя природы. А здесь каждый плетёт хитроумные сети. Одно слово – столица! Не думаешь отправиться в хадж?

Ч е р к е с. Почему ты спросил, мой султан?

А х м е д. Просто так. Стал бы хаджи.

Ч е р к е с. Всему своё время, мой султан.

А х м е д. Но на твоём лице застыла какая-то тревога. Неужто ты напал на след заговора?

Ч е р к е с. Ты правильно мыслишь, мой султан. Что-то есть, что-то назревает. Я нащупал след, но пока не ухватился за сердцевину.

А х м е д. Да, заговор должен созреть, как нарыв. Не спеша, как положено... А потом его надо прижечь калёным железом. Впрочем, ты это знаешь лучше меня. Тебе больше нечего мне сказать?

Ч е р к е с. Пока нет.

А х м е д. Тогда иди и не теряй след.

Ч е р к е с. Долгих тебе лет, мой султан. (*Пятясь, уходит.*)

А х м е д. Судьбу невозможно изменить. Не-воз-мож-но! Оказывается, надо было стать султаном, чтобы понять такую простую вещь. Всё происходит так, как предписано судьбой... Хан Бирдебек должен был убить поэта Ахмеда Казани, и

он его убил. Надев ханские одежды, Ахмед Казани исчез с лица земли. Сам хан Бирдебек должен был погибнуть от руки заговорщиков, и он погибнет. Каким способом это произойдёт – не важно. Ахмеда Казани уже давно нет на этом свете, а кровопийцу Бирдебека я и сам ненавижу. Я и раньше ненавидел его, а теперь особенно... Теперь я сам – Бирдебек. Кого жалеть? Отныне никто не достоин жалости.

8

Входит Диван-бек.

Д и в а н - б е к. Всё готово, чтобы отправиться на охоту, мой султан.

А х м е д (*подойдя к окну*). Конюхи стоят у своих повозок, шатровщики проверяют жерди куполов юрт и распялки, охотники точат оружие, сокольники повесили на плечо *турсуки**... Все в движении. Но в чём же смысл?

Д и в а н - б е к. Охота будет удачной, даст Аллах...

А х м е д. Ты собираешься завалить крупного зверя, бек?

Диван-бек вздрагивает, но быстро берёт себя в руки – его лицо холодно, как камень.

А х м е д. Пусть твоя рука не дрогнет...

Д и в а н - б е к. Ещё никогда я не был таким спокойным.

А х м е д. Помнишь песню Танышбека? (*Негромко напевает.*)

**В степях шумят ковыли.
Рыжий лис охотится на диких гусей,
Лишь ветер разгоняет их перья,
Молодой охотник выходит на охоту...**

Такова жизнь, бек, никто не может точно сказать, кто гусь, кто лис, кто охотник.
Д и в а н - б е к. Лис ловит гуся, охотник гонится за лисом... В этом мире у каждого своё место, мой султан. Ты сам говорил это.

А х м е д. Мы же люди. Тенгри сказал, что создал всех равными. Что скажешь, бек? Он ошибся, не так ли?

Д и в а н - б е к. Не смею вмешиваться в волю Тенгри. Знаю только, что охотников мало, а гусей много. Сколько бы ни старалась мышь, крылья у неё не вырастут, и кречетом ей не стать.

А х м е д. Да, чем годами сидеть как мышь в норке, лучше один час прожить кречетом.

Д и в а н - б е к. Когда трубить в трубы?

А х м е д. Когда придёт время. Господь возложил эту обязанность на ангела Исафила... Ничто не вечно в этом мире. Исчезают даже могучие государства... Спустя столетия никто не будет знать, что здесь были наши земли...

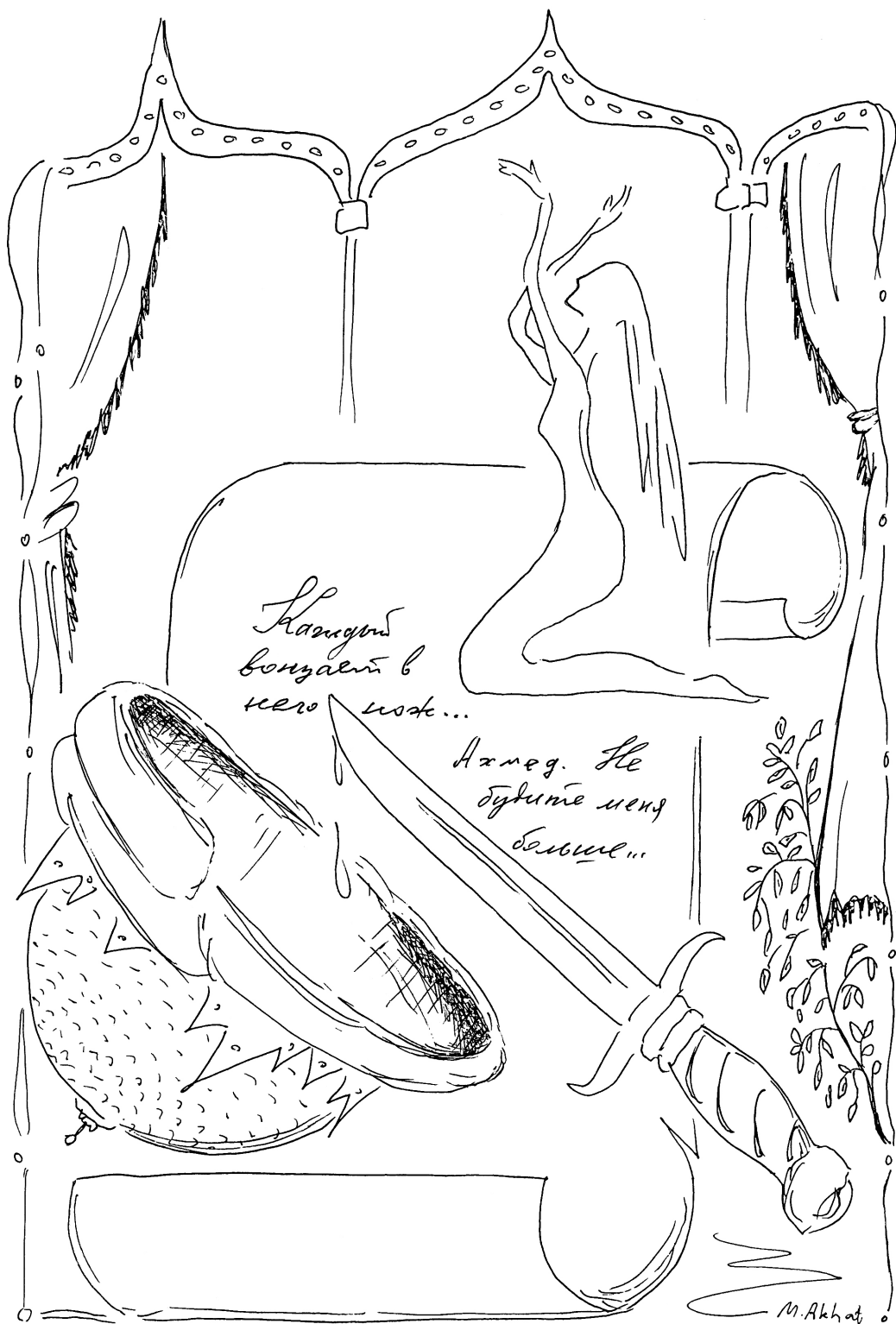
Д и в а н - б е к. Сарай – вечен. Такой прекрасный город не может бесследно исчезнуть.

А х м е д. Вечен... Почему человек претендует на вечность? Даже после смерти он не желает исчезнуть, он надеется жить в загробном мире, обнимать гурий. Тебе отмерена короткая жизнь, просто проживи её достойно!

Д и в а н - б е к. Если бы не было смерти, то жить было бы не очень интересно.

А х м е д. Говоря, что создавал людей равными, Тенгри, наверно, как раз имел в виду смерть. Смерть всех делает равными.

* Турсук – небольшой бурдюк.

Д и в а н - б е к. Над ханскими могилами стоят мавзолеи. Кладбищенские старцы каждый день возносят молитвы во упокой их душ, а у разбойника или бродяги даже могилы не бывает, лишь их сухие кости белеют в степи.

А х м е д. Когда ты скидываешь с себя старую одежду, заботит ли тебя, где она будет валяться? Пройдёт время, и мавзолеи тоже сровняются с землёй.

Д и в а н - б е к. Но есть ещё память, человеческая память. Кого-то поминают добрым словом, кого-то – с проклятиями...

А х м е д. Человеческая память коротка. А людям свойственно жестокость помнить дольше всего.

Д и в а н - б е к. Тогда получается, лучше творить добрые дела и быть забытым?

А х м е д. Но если твоя судьба начертана на твоём лбу, должен ли ты отвечать за содеянное? Если ты при рождении был обречён на муки, то, независимо от того, живёшь ли ты дервишем в *текие* или сидишь на ханском троне, от судьбы не избавишься.

Д и в а н - б е к. Ты не спишь ночами, всё ходишь... Что тебя мучает?

А х м е д. Не думаю, что это можно понять или объяснить... Послушай... (*подходит ближе, говорит еле слышно*). Мне иногда хочется стать самим Тенгри.

Д и в а н - б е к. Тенгри?

А х м е д. Но, даже если стать Тенгри, всё равно бы ничего не изменилось. Ведь он тоже страдает оттого, что создал этот несчастный мир!

Д и в а н - б е к. Где же избавление от этих мук?

А х м е д. Есть лишь один способ, бек... И ты его знаешь.

Д и в а н - б е к (*колеблется – сказать или нет*). Сегодня Карачи, Кази, Черкес...

А х м е д. Опять коварство... Кто, ты говоришь?.. Карачи, Кази, Черкес... А кто четвёртый? Ты?

Д и в а н - б е к (*окончательно растерявшись*). Мой султан, я всегда был тебе...

А х м е д. Так ты не четвёртый? Странно. Шпионов следует казнить. Они мне доложили, что четвёртый – это Диван-бек. Кому же верить? Вроде ты у нас – Диван-бек?

Д и в а н - б е к (*бросаясь на колени*). Мой султан! Прости меня. Враги едва не заманили меня на кривую дорожку. Я готов умереть за тебя.

А х м е д. Умереть? Да, смерть всегда ходит рядом. Вот если я сейчас отправлю весть Черкесу, что Диван-бек предал его? Наверно, ты знаешь, что он никогда не страдал излишней мягкостью. Его кинжал всегда впереди его мыслей.

Д и в а н - б е к. Мой султан, если я виноват, то вели отрубить голову. Но только в это мгновение, здесь! На этом месте! Не позорь того, кто предан тебе душой и телом.

А х м е д. Ты не боишься смерти?.. Правильно делаешь, это не то, чего следует бояться.

Д и в а н - б е к (*неожиданно засмеявшись*). Поверишь ли, мой султан, я и в самом деле не боюсь. Вот сейчас, в эту минуту, на этом месте! Ты избавил меня от страха, позёт! (*Пауза*). Я видел много смертей. И теперь она мне кажется таким обычным явлением! Сколько бы хитрым и шустрым ты ни был, от смерти ведь не убежишь. Зачем же бояться неизбежного? Я готов, мой султан!

А х м е д. Я прощаю тебя, бек. Однако ты нашёл себе плохих друзей. Выходя на охоту, рядом нужно иметь надёжных товарищей. А с этими ты никогда не поймёшь: охота закончилась или только начинается...

Д и в а н - б е к. Ты меня прощаешь? Меня?!

А х м е д (*обернувшись*). До тебя я простил Карачи, простил Черкеса. Вскоре дам прощение Кази. Не останешься же ты один в стороне? Теперь уйди с глаз долой!

Д и в а н - б е к. Не забудь, мой султан, у змеи, спасённой из огня, яда становится ещё больше... Ты своим прощением унизил меня... (*Уходит*.)

А х м е д. Настоящий вкус жизни чувствуешь, лишь когда видишь смерть другого человека. Но, сев на трон, я утратил даже этот вкус. (*Пинком опрокидывает трон.*) Я ведь теперь даже не Бирдебек, я – лишь тень среди призраков...

9

Обитель дервишей. Сидит Бирдебек, одетый в пыльную рваную хирку*. Он в одиночестве.

Б и р д е б е к. Друзья, послушайте, я написал новое стихотворение. (*Читает.*)

**Ахмед Казани – всего лишь птица,
кто же держит его в этой Вселенной?
Если дойдут его слова до вас,
из ваших сердец польётся кровь...
Но если кому-то его стихи не доставят радости,
У того, значит, нет ума, а есть лишь тело и дурные мысли.**

(*В пустоту.*) Ну, что скажете? Молчите... Завидуете! Или вы лишились дара речи от совершенства моего слога? (*Смётся.*) Ведь речь Ахмеда Казани по-прежнему проникновенна, а слава разлетелась далеко! Нет, теперь он пишет лучше, чем прежний Ахмед Казани! (*Начинает читать другое стихотворение.*)

Я бросил в горящий очаг свой старый чекмень...

Входит Черкес.

Ч е р к е с (*Бирдебеку*). Помолчи, дервиш! У меня к тебе дело.

Б и р д е б е к. Кто ты?

Ч е р к е с. Я Черкес! Тот, благодаря кому ты жив!

Б и р д е б е к. А-а, Черкес... Захотел меня увидеть? Хочешь, я прочитаю тебе рубаи... Раз уж ты пришёл посмотреть на обыкновенного дервиша, хотя бы послушай стихи.

Ч е р к е с. Ты и тут смог управлять окружающими! Тебя называют старейшиной... тебя называют шейхом!

Б и р д е б е к. Да, слава Аллаху, я этого достиг.

Ч е р к е с. Воистину, рождённый для полёта не будет ползать...

Б и р д е б е к. Что тебе надобно от меня?

Ч е р к е с. Мой султан, игра близится к концу.

Б и р д е б е к. Но ведь я теперь не в игре. Я созерцатель. Моё тщеславие умерло от голода.

Ч е р к е с. Но разве ждать похвал от оборванцев-дервишей – не есть тщеславие?

Б и р д е б е к. Черкес! А ты, я вижу, рядом с ним научился думать. И отточил язык.

Черкес (*ворчливо*). Научись тут... На чью телегу сядешь, того и песню запоёшь.

Б и р д е б е к. А теперь ты хочешь пересесть на другую телегу? Но сможешь ли выучить другую песню? Или уже заимел свою собственную телегу? Надеюсь, не заблуждаешься на свой счёт?..

* Хирка (араб.) – дырявый или залатанный плащ, рубище, которое чаще всего шилось из отдельных кусков ткани.

Черкес. Мой султан, не обижай меня. Я всегда был предан тебе. Иначе разве я оставил бы тебя в живых?

Бирдебек. Ты гораздо умнее, чем кажешься.

Черкес. Время пришло, повелитель, надо возвращаться. Ханский трон ждёт тебя (*достаёт из-за пазухи расшитый золотом хильгат**). Сбрось эти лохмотья, надень одежду истинного султана! Повесь на пояс саблю!

Бирдебек. Ты умён, Черкес. Но у тебя нет чутья. А без чутья на какую телегу ни сядь, твоя песня будет нескладной.

Черкес. Слова... слова... Все говорят и говорят! Каждый стал поэтом! Пройсись! Вставай, мой султан! Пора возвращаться в ханский дворец!

Бирдебек. Куда возвращаться? Кажется, ты забыл, я поэт-дервиш Ахмед Казани! Я уже вернулся. Я в своём доме! Каждый должен знать своё место. Не это ли часто повторяет хан Бирдебек?

Черкес. Повторяет. Но он лже-Бирдебек. Ты – настоящий хан Бирдебек! Из рода Чингиза с золотыми корнями!

Бирдебек. Брось это глупое пустозвонство. Тебе не идёт. Какие золотые корни? Мы все в этом мире – перекасти-поле. Куда ветер подует, туда и катимся. Вот я пригрелся тут. И мне здесь понравилось! Иди, Черкес, следуй своей дорогой. Тебя там ждут охотники. Ждёт и дичь. (*Шёпотом.*) А ведь он всё знает.

Черкес. Почему же тогда он ничего не предпринимает?

Бирдебек. Обратной дороги нет. Ведь он теперь и в самом деле Бирдебек, а я настоящий Ахмед Казани.

Черкес. Я не понимаю...

Бирдебек. Зачем тебе понимать? Мы понимаем – я и он!

10

Тронный зал. Прихрамывая и задыхаясь от быстрого шага, заходит Казани.

Казани. Великий хан! Мой султан!

Ахмед. Что случилось? Неужто пожар?

Казани. Я принёс весть... Плохую весть...

Ахмед (*равнодушно*). Ты о заговоре?

Казани. Заговор, великий хан! Диван-бек, Карачи, Черкес! Они хотят убить тебя!

Ахмед. Это всё? Как ты посмел, старый пёс, прийти ко мне с таким пустяком?!

Казани. Ка-ак?

Ахмед. Вы устраиваете заговор и тут же предаёте друг друга. Какое может быть будущее у такого государства?!

Казани. Я... Я был против. Я готов отдать за тебя жизнь, мой драгоценный султан!

Ахмед. Не давай пустых обещаний. Жизнь – это азартная игра. Такие, как вы, никогда не откажутся от этой игры. Мне... А мне, значит, пришло время петь песню смерти... Когда-то я неплохо сочинял и песни, и мунаджаты...

Казани. Мой султан, хоть и обижайся, но я правду скажу – ты был великим поэтом! И сейчас...

Ахмед (*перебивая*). Сколько человек за это время ты лишил жизни, сколько раз пьянел от запаха крови? Смерть – великая тайна... Не хотел ли ты когда-нибудь сам испробовать вкус этой смерти?

* Хильгат (араб.) – халат, элемент верхней татарской одежды.

К а з и. Я тебе правду скажу, мой драгоценный султан – нет, ни разу! Я же не поэт...

А х м е д. Иди, иди... отправляйся к таким же, как сам. Но не забудь: голова хана – как камень на вершине, если покатится, то повлечёт за собой и других. *(Делает знак выйти.)*

К а з и. Что же мне делать?

А х м е д. То, что велит тебе честь... Эх, бедняжка кази... Я совсем забыл, ты же не знаешь, что это такое! *(С иронией.)* Честь...

К а з и уходит.

Я думал, что сам пишу свою жизнь, до самой её последней точки. А оказалось, что она уже давно написана... Моим последним собеседником оказался кази! Это смешно. Мой конец смешон... Где стражники? Кажется, их не было сегодня целый день?..

11

Вдалеке слышится шум, звон сабель. Шум приближается.

А х м е д. Человек рождается в одиночестве, живёт в одиночестве и умирает в одиночестве... Божественное одиночество...

Двери распахиваются, появляются К а р а ч и, Д и в а н - б е к, Ч е р к е с, позади них, прихрамывая, идёт К а з и.

А х м е д. Охота началась! *(Обращаясь к вошедшим.)* Пусть же ваши руки не дрогнут, заморыши!

Вошедшие бросаются на Ахмеда, каждый вонзает в него нож. Слышатся крики, ругань. Ахмед, едва держась на ногах, делает пару шагов назад.

А х м е д. Не будите меня больше... *(Падает.)*

Черкес ногой толкает тело Ахмеда.

Ч е р к е с. Ему конец...

Д и в а н - б е к. Охота завершилась!

В это время в двери вбегает Х а н и к е, её волосы растрёпаны, она бросается на колени, обнимает Ахмеда и обращает глаза к небу.

Х а н и к е. Или, или! Лама *савахфани*?* Боже, зачем ты оставил меня?!

Гремит гром, сверкает молния, начинается дождь.

*Перевод с татарского
Гаухар Хасановой*

* Последние слова, произнесённые пророком Иисусом: Боже мой, Боже мой! Для чего ты оставил меня?